

«...Жить в атмосфере любви,
а не киллерской журналистики».

Дмитрий Киселев,
ноябрь 2000 года.

ОСТОРОЖНО, ЛОЖЬ!

«О «телекиллерах»-2018»

Вся страна в прошедшие дни отмечала славное 100-летие Красной Армии и переживала за наших спортсменов на Олимпиаде. Но не «телепузики» Киселев с Фадеевым. В праздничные дни госканалы вылили на головы граждан очередную порцию дурно пахнущего варева о КПРФ и ее кандидате на выборах-2018.

Разумеется, в сюжетах «самых объективных в мире» телеканалов не было и намека на законное право коммунистов ответить на предыдущие поклепы. Из нашей часовой пресс-конференции, где мы дали конкретные ответы провокаторам, в эфире не было воспроизведено ни слова.

Точно так же подобные господа отказали Зюганову в его законном праве выступить в эфире Останкино перед вторым туром позорных президентских выборов 1996 года. Есть прямая преемственность с ельцинским режимом. Та же паническая боязнь свободы слова. Та же профессиональная нечистоплотность и наглое вранье.

Невольно вспоминается отставной «телекиллер» Доренко и его гнусная роль в устранении «угрозы Примакова» на выборах 1999 года в Госдуму. Сегодня власть с почтением относится к Е.М. Примакову — выдающемуся государственному деятелю. А тогда он был для нее противником — объектом точно таких же мерзких нападок, как и те, что испытывает сегодня Грудинин. Хотя Примаков, проводивший вместе с коммунистом Маслюковым левоцентристский курс, спас Россию от краха.

Сейчас г-н Доренко изображает себя несчастным «телекамикадзе». Мы уверены, что придет время, когда киселевы-фадеевы тоже будут каяться, выставя себя «жертвами режима»...

Ныне телеканалы лицемерно жалуются на вмешательство США в президентские выборы в России

1996 года. Напомним, что информационный террор против Зюганова велся тогда ельцинистами именно по лекалам американских политтехнологов, присланных в Москву на помощь тогдашнему режиму.

Вакханалия в эфире наших госканалов — плагиат информвойны американских неоллибералов против Трампа. Эти войны российские горе-журналисты еще недавно жарко разоблачали. А нынче они уже переплюнули своих заокеанских собратьев. Публицист И. Шамир справедливо проводит аналогии с выборами-2016 года в США, используя термин «неолибералы из Кремля».

Мы отнюдь не симпатизируем Трампу, скорее, наоборот. Но стоит напомнить кураторам гостелекомпаний, чем закончились те выборы в США вопреки истерике своры из Си-эн-эн и других каналов. Кстати, Трамп, знай он Гоголя, мог бы сказать г-же Клинтон: «Ну что, помогли тебе твои ляхи?»

Мы говорим сегодня откровенным провокаторам: и вас ветер истории неизбежно сдует на обочину. В народе про такую деятельность ехидно говорят — «мочилово». И чем больше вы льете помой на голову телезрителей, тем ниже падает доверие к российскому телевидению, тем сильнее растет интерес к нашему кандидату. Думающие люди перемещаются в социальные сети. А там Грудинин — человек, создавший одно из лучших предприятий в стране и Европе, — получает огромную поддержку.

И бесполезны потуги телешаманов, старых парламентских говорунов и придворных партий остановить заклинаниями тягу России к решительным и созидательным переменам! Грудинин — президент, которого ждет народ!

Пресс-служба избирательного штаба кандидата в президенты России П.Н. Грудинина
Рисунок Вячеслава Полухина

«ДЕТИ ВОЙНЫ» — ПОКОЛЕНИЕ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

«Пережитое ничем нельзя измерить...»

Войну я помню по рассказам моей мамы, так как к началу войны мне было три года пять месяцев. О войне мама рассказывала сначала мне, потом моему сыну, потом моим внукам, ее правнукам. Потому всё это вошло в мою жизнь, как виденное и пережитое мною.

Моя мама, ожидавшая второго ребенка, в июне 1941 года уехала со мной в красивый городок Середина-Буда — районный центр в Сумской области на Украине, где жили ее родители и свекровь. Девочка родилась у мамы 17 июня 1941 года, а 21 июня началась война. Мама в этот день выписалась из роддома. Папа не смог добраться до нас — немец уже взял городок в кольцо. И мама с грудным ребенком на руках и со мной, трёхлетней, осталась в оккупации.

Немец жёл сёла, окружавшие город, и бомбил нас, особенно по ночам. Иногда сутками стоял страшный грохот. Нас, спящих детей, во время бомбёжки взрослые несли в бомбоубежище — во время продолжительных бомбёжек в нем приходилось отсиживаться сутками. Грудного ребенка на руках всегда держала мама, а меня брала на руки мамина младшая сестра. Шестнадцатилетняя красавица Зоя иногда засыпала молодым сном и роняла меня, спящую, на земляной, всегда мокрый пол. Эту холодную воду бомбоубежища я тоже помню.

Может, от этого с детства у меня болят и стонут руки и ноги.

В нашем доме неоднократно останавливалась немецкая полевая кухня. Помню выгребную яму в саду с душистыми макаронами, чувство голода и желание прыгнуть в яму и поесть этих «замечательных» макарон. Но гордая мама не разрешала нам есть немецкие объедки, так же, как и собирать крошки под столом у пирующих в доме немцев. Это было всегда — нельзя! А очень хотелось! Но мама говорит, что я никогда не просила есть ни у неё, ни у немцев.

Я говорила, что мне «как-то скучно», но не говорила, что хочу есть. Наверное, эта маленькая девочка тоже была гордой, поэтому никогда не брала у немцев ярких конфет, которые они, гогочущие, ей часто предлагали. Им нравилась девочка — белокурая, с длинными косичками. И они приманивали симпатичную девочку конфеткой, а она не брала. Разразившийся на этой почве скандал, с испуганной мамой и разгоряченными из-за моего непослушания немцами — стал легендой моего детства. Я в очередной раз вырвалась, убежала в заросли кукурузы и долго не выходила. Немцы искали меня в саду, в огороде, но не нашли.

Немцы брали город трижды, и трижды были из него выбиты с боями — мама говорила: «в реке текла красная от крови вода».

Город был освобожден в 1943 году. И тут уже я точно помню: ночь, я проснулась на диване, у моих ног сидит мама с кричащим ребенком на руках. И вдруг входит красивый, очень большой папа — это всё я точно помню, хотя позднее поняла, что папа был не очень крупный мужчина, не очень высокий. А мне запомнился таким!

Папа не был на фронте. Он работал на металлургическом военном заводе на Урале, выполнял военные заказы. Мама говорила, что у него была «бронь». Это слово я запомнила с детства. Мне казалось, что это — медаль за отвагу — так уважительно об отце нам говорила мама.

Мои воспоминания о войне, основанные на рассказах моей

мамы, сумевшей воспитать во мне гордость и достоинство, на этом не заканчиваются. Только недавно я поняла, сколь немалую роль они сыграли в моей жизни и в становлении моего характера.

Пережитое ничем нельзя измерить, возместить, это неоценимо, бесценно, и всё это значимо, как сама жизнь.

Прослушав мои воспоминания, старший внук, молодой современный москвич, задумчиво произнес: «Я так хорошо все это знаю, что мне кажется: это было лично со мной». Я не пишу стихи. Но, если эмоции переполняют, и нет слов, чтобы передать, рассказать, донести, выразить что-то, на помощь приходят рифмы.

Алла Чиликина

Девочка и война

Девочка трех лет —
совсем малышка.
Русая косичка на плече.
У стола сидит, листая
книжку.
Воск стекает тихо по свече.

Это не царевна, и не пряха.
Это — девочка. Кругом война.
Сколько горя! Сколько слез
и страха!
Сколько бед наделала она!

Девочку вчера фашист
увидел
Яркою конфеткой угощал.
Маме улыбался, не обидел,
Увести с собою обещал.
Руки она спрятала за спину,
Плачет, но конфетку
не берет.
«Расстреляю я тебя,
скотина!»
Переводчик-староста орёт.

Русы косы наматал на руку.
Мама стала вся белым-бела.
И какую же тебе науку
Эта девочка, фашист, дала.

Дома мама, сдерживая
слёзы,
Торопливо ножницы берет,
Вкривь и вкось она
кромсает косы,
Как попало девочку стрижет.

Утром на крылечке —
оборванка
С книжкой,
вся съживившись, сидит.
Из-под плохонькой
застиранный панамки
То ли мальчик, то ли девочка
глядит.